

УДК 81'25

КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО ПОЛУЧАТЕЛЯ

В.В. Сдобников

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье обосновывается коммуникативно-функциональный подход к оценке качества перевода, согласно которому основным субъектом оценки качества в реальной жизни должен быть получатель или инициатор перевода. Определяются критерии оценки качества перевода и рассматриваются общие принципы обучения будущих переводчиков процедуре оценки качества собственных переводов.

Ключевые слова: оценка качества перевода, коммуникативно-функциональный подход, адекватность перевода, получатель перевода.

Translation Quality Assessment by Its Recipient

Vadim V. Sdobnikov

Linguistics University of Nizhny Novgorod

In the article the communicative-functional approach to translation quality assessment is substantiated. This approach demands that the recipient or initiator of the translation be the principal evaluators. Translation quality assessment criteria are offered as well as general principles of teaching students of translation a procedure of assessing their own translations are discussed.

Key words: translation quality assessment, communicative-functional approach, translation adequacy, translation recipient.

Будучи одним из видов деятельности, перевод-процесс предполагает создание определенного продукта, перевода-результата, представляющего собой речевое произведение. Успех подобной деятельности выражается в качестве продукта или, иначе говоря, оптимальное качество продукта свидетельствует об успешности осуществленной деятельности. Несомненно, качество перевода – это именно та категория, которая определяет успех переводческой деятельности, и именно поэтому способам и критериям оценки качества перевода посвящено большое количество работ.

Целью нашей статьи, однако, не является обзор этих работ. Более того, мы не ставим перед собой задачу проанализировать различные подходы к решению оценки качества перевода (подобного рода анализ можно найти, например, в работах [3; 4; 9; 11]). Наша задача – обозначить тот подход к оценке качества перевода, который не получил еще должного освещения в современной литературе, но который, по нашему мнению, в большей степени отражает объективную реальность, то есть реальную переводческую

практику (под переводческой практикой мы в данном случае имеем в виду не просто деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ, а общественную деятельность, *social activity*, с использованием перевода).

При рассмотрении проблемы оценки качества перевода следует иметь в виду, что само по себе выделение критериев такой оценки зависит от общего подхода исследователя к изучению перевода как деятельности, от понимания задач, решаемых переводчиком. А это понимание может быть разным, и в свою очередь зависит от того, как исследователь воспринимает сам перевод. В самом упрощенном виде это видение перевода может заключаться в следующем: перевод – это 1) процесс воспроизведения содержания и смысла исходного текста (ИТ) средствами переводящего языка, донесение исходного смысла до сознания носителя другого языка, либо 2) процесс обеспечения взаимодействия между носителями двух языков посредством создания текста на переводящем языке (ПТ). Соответственно, оценка качества перевода при первом подходе ориентирована на исходный текст (ИТ), на соответствие переводного текста исходному тексту (мы рассматриваем этот подход в рамках направления, которое называем «текстоцентрическим» направлением в переводоведении, или собственно лингвистическим). При втором подходе к оценке качества перевода критерием оценки становится характер воздействия, оказываемого текстом перевода на получателя, причем это воздействие по своему характеру должно в максимально возможной степени приближаться к воздействию со стороны оригинала на соответствующих получателей. Можно также говорить и о равенстве коммуникативных эффектов, производимых оригиналом и переводом. Понятно, что этот подход опирается на концепцию Ю. Найды, который настаивал именно на необходимости вызвать у получателя перевода определенную реакцию [12].

Интересно отметить, что оценка качества перевода с использованием обоих подходов опирается на *сопоставление*. В одном случае речь идет о сопоставлении двух текстов с точки зрения совпадения / несовпадения их содержания / смысла, а также значимых формальных признаков. В другом случае результат функционирования ИТ сопоставляется с результатом функционирования ПТ, сопоставляются реакции получателей двух текстов. Несомненно, сопоставление как метод оценки качества перевода весьма ценно: оно не только позволяет установить степень расхождений между ИТ и ПТ, выявить то, что рассматривается в качестве переводческих ошибок, а также определить – в некоторых случаях – причины подобных расхождений. Что не менее, а может, даже более важно, так это то, что сопоставление того, что мы имеем на входе в систему, с тем, что мы имеем на выходе, дает возможность представить сам процесс перевода (хотя бы гипотетически),

предположить, какой путь прошел переводчик от текста А к тексту Б, какие препятствия возникали на этом пути и каким образом он их преодолел (или не преодолел, или споткнулся). То есть с сугубо теоретической точки зрения сопоставительный метод оценки качества перевода может много дать для понимания сущности перевода как процесса, для решения задачи моделирования перевода. Есть здесь польза и для практики: выявление переводческих ошибок (существенных расхождений между переводом и оригиналом, влияющих на полноту и качество межъязыковой коммуникации) в результате сопоставления ИТ и ПТ и результатов их функционирования дает возможность не просто как-то классифицировать эти ошибки (в качестве одного из последних примеров такой классификации см.: [1]), но и направить усилия на предотвращение этих ошибок путем повышения профессиональной квалификации переводчиков.

А теперь ввергнем себя в стихию реальной жизни. Ибо теоретическое изучение перевода, дотошное сопоставление разных текстов и даже результатов их функционирования – это не та реальная жизнь, в которой *практически* осуществляется перевод. Исследователь, критик перевода смотрит на переводческий процесс (хорошо, если на процесс, а не только на результат) как бы со стороны. Он не ощущает себя участником коммуникативного процесса, осуществлявшегося с помощью перевода, не выступает в качестве одного из компонентов коммуникативной ситуации с использованием перевода (КСП). И тем не менее он принимает на себя роль субъекта оценки качества перевода, осуществляя эту самую оценку на основе сопоставления того, что он видит. Правда, говорят, что со стороны виднее. Боюсь, оценка качества перевода – это не тот случай. Хотя бы уже потому, что *качество перевода существенно прежде всего (или исключительно) для тех, кто переводом пользуется, то есть для самих коммуникантов*. В реальной переводческой практике основным субъектом оценки качества является получатель перевода, хотя и автор оригинала в некоторых случаях может выступать в этом качестве.

Для обоснования нашего тезиса приведем суждение, высказанное Е.В. Сидоровым. Он указывает, что в непосредственный системный контекст акта речевой коммуникации входят, в частности, неречевая деятельность¹ отправителя сообщения, продолжением которой и в интересах которой осуществляется его коммуникативная деятельность, а также неречевая деятельность реципиента сообщения, продолжением и предшествованием которой

¹ Мы считаем, что термин «неречевая деятельность» не очень удачен, так как может предполагать и речевую деятельность, но с использованием паралингвистических средств, поэтому вместо него предлагаем использовать сочетание «предметная деятельность».

и в интересах которой осуществляется его коммуникативная деятельность [8. С. 46]. В своем комментарии к схеме акта речевой коммуникации как системы Е.В. Сидоров поясняет, что неречевая деятельность – это, например, деятельность бытового обихода, трудовая, игровая, деятельность досуга, научная, политическая и т.п. [8. С. 47]. Что касается речевой деятельности, то, по утверждению Е.В. Сидорова, «речевая деятельность (в форме коммуникативной деятельности КД1 и КД2) есть выработанное человеком универсальное средство и бытийная сфера знакового управления деятельностью Д2 другого человека (других людей) с целью ее координации с деятельностью (неречевой) Д1 говорящего» [8 С. 48]. Таким образом, для каждого из коммуникантов речевая коммуникация, в нашем случае – при посредничестве переводчика, является способом обеспечить осуществление их предметной деятельности. Предметная деятельность – это самое важное для коммуникантов, и в случае межкультурной коммуникации ее успех в значительной степени определяется качеством осуществляемого перевода. Зададим риторический вопрос: так кто же прежде всего заинтересован в успешности перевода, в его высоком качестве?

Вполне очевидно, что каждый раз, когда некий субъект оказывается в ситуации межъязыковой и межкультурной коммуникации, осуществляемой с использованием перевода (КСП), он неизбежно оценивает качество перевода, поскольку оно напрямую определяет дальнейшее осуществление его предметной деятельности. Не важно, идет ли речь о международной конференции, на которой участники хотят решить интересующие их проблемы, или о переводе инструкции к некоему продукту. Качество перевода оценивается в любом случае. Возможно, что эта оценка делается не вполне осознанно, но зато коммуникант вполне определенно ощущает состояние дискомфорта в тех случаях, когда ему что-то непонятно или он не получает должной реакции со стороны собеседника, другими словами, когда предлагаемый ему продукт в виде перевода не соответствует его ожиданиям. Впрочем, следует добавить, что помимо собственно получателя / получателей перевода важна также и фигура инициатора перевода (а это далеко не всегда получатель перевода), который также использует перевод в своих целях и оценивает его качество с точки зрения соответствия той цели, для достижения которой перевод был организован.

Примерно такое же утверждение мы находим в работе Бруно Озимо «Перевод и качество. Оценка в учебной и профессиональной сфере»², обзор которой приводится в издании ВЦП «Перевод в странах Европейского союза.

² Bruno Osimo. Traduzione e qualita. La valutazione in ambito accademico e professionale. NOEPLI, Milano, 2004.

Обзорная информация» [6]. Б. Озимо рассматривает такие категории, как продукция, характеристики продукции, клиент, удовлетворенность клиентов и др., и дает им следующие определения:

- продукция: метатекст (в данном случае Б. Озимо использует термин А. Поповича для обозначения текста перевода);

- характеристики продукции: особенности метатекста, которые *удовлетворяют требованиям* (курсив мой. – В.С.) клиентов-читателей (заметим, что автор рассматривает только ситуации письменного перевода);

- клиент: любой человек, *заинтересованный* (курсив мой. – В.С.) в метатексте или в процессе его создания. Клиентами могут быть: заказчик, переводчик, бюро переводов, читатели, критики, производители продукции, к которой прилагается метатекст, продавцы и пользователи этой продукции, торговые агенты, директора книжных магазинов и др.;

- удовлетворенность клиентов: положение вещей, при котором читатели полагают, что совокупность характеристик переведенных текстов *отвечает их требованиям* (курсив мой. – В.С.)... Здесь очень важно заострить внимание именно на слове «полагают», потому что нередко читатели не обладают необходимыми сведениями, чтобы проверить верность своих утверждений [6. С. 42].

За этим описанием характеристик перевода как продукта самым очевидным образом просматривается ситуация, в которой некий индивид, заинтересованный в переводе, выступает в качестве заказчика, получает необходимый ему продукт и оценивает его с точки зрения того, насколько качество продукта удовлетворяет его требованиям.

Подход Б. Озимы к решению проблемы оценки качества перевода трудно назвать текстоцентрическим, скорее это реципиенто-центрический подход (recipient-oriented approach). Это именно тот подход, при котором в центре коммуникативной ситуации оказывается получатель перевода или, все же добавим, инициатор перевода, который использует сам акт перевода в своих целях, то есть для обеспечения своей предметной деятельности.

Итак, мы определили, что в реальной жизни субъектом оценки качества перевода является получатель перевода либо инициатор перевода. Степень удовлетворенности получателя и / или инициатора перевода качеством перевода и есть основной критерий качества, практически используемый во всех переводческих ситуациях. Т.В. Иванова в качестве примера КСП рассматривает ситуацию деловых переговоров, в которой сложность задач, решаемых переводчиком, коммуникантов мало волнует, «поскольку в тот же самый момент коммуникации они решают свои собственные задачи, кроме того, они для того специально и пригласили профессионала, чтобы он эти

переводческие задачи решал». Далее делается вывод: «...то, насколько перевод помогает им, не владеющим иностранным языком и вынужденным прибегнуть к посредничеству, решить стоящие перед ними... задачи, – может использоваться участниками коммуникации для оценки качества перевода» [2. С. 80]. Субъект оценки может не владеть научной переводоведческой терминологией, но он всегда скажет, понравился ли ему перевод или нет, исходя, прежде всего, из того, помог ли ему перевод решить те задачи, которые стояли перед субъектом в рамках его предметной деятельности. А если оценка качества перевода никак не формулируется получателем и / или инициатором перевода, то это означает, что к качеству претензий нет³.

Выше мы отмечали, что в качестве субъекта оценки качества перевода выступает прежде всего получатель ПТ, то есть адресат. Вместе с тем мы не исключаем и ситуации, когда и адресант ИТ исполняет ту же роль, особенно в ситуациях устного перевода, при контактном отношении между коммуникантами. Казалось бы, каким образом автор ИТ может судить о качестве перевода, если он не воспринимает текст на ПЯ? Действительно, сам ПТ именно как текст он оценить не может, но он способен оценить ту реакцию, которую этот текст вызывает у получателя-собеседника, и, соответственно, сделать вывод о соответствии этой реакции его собственным ожиданиям. «Эта реакция может быть как вербальной (уточняющие вопросы, просьбы повторить сказанное и т.д.), так и невербальной (например, смех как реакция на шутку, выражение недовольства как реакция на резкую критику), причем для обратной связи используются разные каналы: вербальная реакция доходит до адресанта ИТ через переводчика, а невербальная непосредственно от адресата ПТ к адресанту ИТ» [2. С. 84]. Важным в этом рассуждении является указание на наличие обратной связи (feedback), которая всегда присутствует в ситуациях устной межъязыковой коммуникации. Выступая перед большой аудиторией, внимательный оратор *почувствует*, действительно ли его понимают сидящие в зале, даже если они не являют никакой вербальной или невербальной реакции. Автору этих строк рассказывали, как российский специалист-медик в течение нескольких дней читал лекции для своих коллег в Индии. Когда его выступление шло через

³ В реальной жизни такое случается весьма часто: конференция закончилась, участники довольны ее результатами и друг другом, при этом мало кто вспоминает, что своим успехом они обязаны именно переводчикам. В лучшем случае организаторы конференции возьмут себе на заметку, что с этими переводчиками и впредь стоит работать. Подобное же происходит и в ситуации письменного (например, художественного) перевода: читатель наслаждался художественным произведением, но даже не посмотрел фамилию переводчика, который подарил ему эту радость.

переводчика, зал практически никак не реагировал на его слова. Отсутствие обратной связи *смutilo* лектора и он решил выступать на доступном ему английском языке. И вот тут-то и возник полный психологический контакт выступающего с образованной индийской аудиторией, английский язык которой был сопоставим с английским языком российского медика. Этот пример отнюдь не означает, что лектор оценил качество перевода как низкое. Просто речь идет о том, что наличие или отсутствие ответной реакции со стороны адресатов ПТ всегда ощущается автором ИТ, а значит может служить для него и критерием оценки качества перевода.

Как должно быть уже ясно, предлагаемый нами подход к оценке качества перевода предполагает необходимость поставить себя на место разноязычных коммуникантов, разумеется, в тех случаях, когда оценка качества перевода делается сторонним по отношению к коммуникантам лицом. Таким лицом может быть инициатор перевода (организатор мероприятия, руководитель медицинского учреждения или судья, если перевод осуществляется в больнице или в суде), а также и сам переводчик, которому небезразлично, как воспринимают его перевод зависимые от него коммуниканты. Таким образом, на самом деле в качестве субъекта оценки качества перевода могут выступать: коммуникант, инициатор перевода, переводчик. При этом, когда речь идет о «третьих лицах», важно, чтобы текст перевода и реакции на него воспринимались в контексте той ситуации, в которой перевод осуществляется, дабы избежать ненужных проявлений текстоцентрического подхода к переводу. Как пишет Е.А. Княжева, традиционные способы оценки качества перевода «ориентированы прежде всего на исходный текст и в силу своей линейности не могут претендовать на исчерпывающий характер. За рамками исследования остается действие такого фактора, как переводческая ситуация, включающая участников двуязычной коммуникации: автор – заказчик – переводчик – получатель, характер их взаимоотношений, цель коммуникации и условия коммуникации, что во многих случаях определяет выбор способа перевода и переводческой стратегии» [3. С. 192]. Именно отказ от традиционных подходов к оценке качества перевода и использование коммуникативно-функционального подхода обеспечивает достоверность, объективность оценки, дает верное представление о степени ценности перевода применительно к данной коммуникативной ситуации.

Попутно следует заметить, что инициаторы перевода довольно сильно различаются в своем представлении о том, каким должен быть перевод на выходе. У кого-то из них присутствуют откровенно обывательское представление о том, как перевод осуществляется. Но именно с этой группой

инициаторов перевода переводчикам работать проще всего, поскольку, не будучи специалистами в области перевода, заказчики перевода заинтересованы только в одном – в обеспечении успешности их профессиональной деятельности посредством перевода, и их мало интересуют чисто лингвистические проблемы, решаемые переводчиками (на что, собственно, указывает и Т.В. Иванова). Можно сказать, что инициатор / заказчик перевода уподобляет себя получателю перевода (часто им и являясь) и, соответственно, оценивает качество перевода через призму решаемых им профессиональных задач. Другая категория инициаторов / заказчиков перевода, от мнения которых зависит благополучие переводчика, – это руководители, редакторы, менеджеры переводческих агентств. Как правило, все они обладают если не переводческим, то лингвистическим образованием, что, как им кажется, дает им право оценивать качество заказанного перевода. Несомненно, среди них есть немало профессионалов, которые и сами прекрасно переводят. Но общая организация производственного процесса в переводческих агентствах такова, что у редакторов нет возможности и / или желания поместить полученный от заказчика текст в реальную ситуацию, именно в ту ситуацию, в которой в дальнейшем будет использоваться перевод. В результате полученный от переводчика текст тоже не помещается в реальную ситуацию, но обязательно сопоставляется с оригиналом на предмет выявления переводческих ошибок, и на основании этого делается вывод о качестве перевода и об уровне квалификации переводчика (кстати, и самому переводчику порой не совсем понятно, как будет использоваться создаваемый им текст перевода, что не дает ему возможности выработать соответствующую стратегию и тактику перевода).

Наиболее крупные поставщики переводческих услуг создают собственные промышленные системы оценки качества перевода на основе ими же разработанных классификаций переводческих ошибок, которым присваивается определенный «вес». Критерии оценки качества перевода, как правило, немногочисленны и разнообразием не отличаются: точность передачи смысла (содержания), корректность терминологии, соответствующий стиль, наличие / отсутствие языковых ошибок, правильность оформления и некоторые другие. На переводческом форуме Translation Forum Russia в сентябре 2012 г. (г. Казань) М.А. Куниловская рассказывала о результатах своего исследования «индустриальных систем оценки качества», согласно которым «оценка предполагает обнаружение ошибок на уровне предложений, микротекста, преимущественно путем сопоставления оригинала и перевода или сопоставления перевода с идеальным» вариантом (только в системе TMS выделяется параметр «overall

grading» – больше целостность текста); сохранение его функциональности в новых лингвоэтнических условиях никак не отражается. Такие классификации ошибок часто реализованы в качестве специального настраиваемого приложения к коммерческим CAT системам». Таким образом, осуществляется фактически количественная оценка качества перевода – без учета специфики ситуации, в которой используется переводной текст. Тексты – и оригинала, и перевода – как бы вырываются из реальной ситуации, и перевод оценивается механистически, по количеству ошибок и степени их грубости (выявляемой при сопоставлении с оригиналом). Оправданием подобной практики может служить лишь специфика переводимых материалов, которые чаще всего представляют собой сугубо специализированные документы, при переводе которых требуется сугубая точность.

Нет оснований утверждать, что предлагаемый нами подход к оценке качества перевода – это абсолютно новое слово в переводоведении. Еще в 1973 году В.Н. Комиссаров писал, что «можно попытаться оценить достоинства перевода (его «ценность») с точки зрения достижения той цели, ради которой был создан текст перевода» [5. С. 190]. Правда, сам Вилен Наумович довольно скептически относился к потенциальной результативности использования данного подхода. С этой точки зрения оценка результатов перевода связана с воздействием, которое оказывает перевод на его Рецепторов. А определение этого воздействия, по мнению В.Н. Комиссарова, представляет собой очень сложную проблему, так как оно зависит от целого ряда факторов, и в распоряжении исследователя нет достаточно объективных способов его измерения [5. С. 194]. Более того, В.Н. Комиссаров указывал, что одна и та же информация может по-разному оцениваться Рецепторами, принадлежащими к разным языковым коллективам; различные группы Рецепторов, отличающиеся по возрасту, полу, социальному положению и пр., неодинаково реагируют на одну и ту же информацию; дополнительные трудности с определением воздействия оригинала и перевода возникают при переводе текстов, относящихся к иным историческим периодам [5. С. 194-195]. Вместе с тем высказанные В.Н. Комиссаровым возражения, справедливые сами по себе, не могут служить основанием для отрицания подхода к оценке качества перевода, предполагающего ориентацию на коммуникантов. Вероятно, следует вести речь о разработке специальных методик изучения мнения коммуникантов и инициаторов перевода о качестве перевода, что, собственно, и будет способствовать развитию научного переводоведческого знания (при том, что сами коммуниканты ни в каких методиках не нуждаются; они просто,

интуитивно, эмпирически оценивают качество перевода как удовлетворяющее их ожиданиям или нет).

Однако мысль прозвучала, причем прозвучала она не единожды и не только в России. Несомненно важными для становления коммуникативно-функционального подхода к переводу и, соответственно, к решению проблемы оценки качества перевода были работы основоположников скопос-теории Катарины Райс и Ганса Фермеера и их последователя Кристианы Норд. Skopos (цель) предполагает осуществление перевода таким образом, чтобы достигалась цель, поставленная перед переводчиком в определенной коммуникативной ситуации. Квинтэссенцией скопос-теории можно считать высказывание Г. Фермеера, приводимое Э. Генцлером: «The Skopos rule thus reads as follows: translate / interpret / speak / write in a way that enables your text / translation to function in the situation in which it is used and with the people who want to use it and precisely in the way they want it to function» [10. С. 70]. В практической переводческой деятельности эта установка реализуется путем формулирования того, что создатели скопос-теории именуют translation brief, – своего рода задачи переводчику с указанием условий осуществления перевода (включая коммуникантов, их целей, отношений между ними и особенностей их восприятия). Отталкиваясь от основного положения скопос-теории, можно сформулировать и основное требование к качеству перевода. Собственно, оно содержится в самом высказывании Г. Фермеера: если перевод функционирует в данной ситуации так, как этого хотят люди, пользующиеся переводом, то это перевод качественный. Таким образом, опять формулируется реципиенто-ориентированный, в широком смысле – коммуникативно-функциональный, подход к оценке качества перевода.

Вместе с тем, в интересах научного исследования, важно определиться с терминологией, обозначающей соответствующее качество перевода (это только коммуниканты как субъекты оценки легко без нее обходятся). По нашему мнению, при оценке качества перевода наиболее уместно использовать термин «адекватность перевода». Да, можно согласиться с тем, что в этот термин разные исследователи вкладывают разное содержание. Мы могли бы воспользоваться определением адекватности перевода по В.Н. Комиссарову, который писал, что под адекватностью перевода имеется в виду любой перевод, успешно решающий ту или иную «прагматическую» задачу или сверхзадачу (цит. по: [7. С. 75]). Однако это определение представляется нам чересчур общим, то есть требующим уточнения. Мы предлагаем использовать положения деятельностного подхода (Е.В. Сидоров) и скопос-теории и сформулировать определение адекватности следующим образом: *адекватность* – это такое качество перевода, которое обеспечивает

достижение цели, ради которой осуществляется перевод и соответствует потребностям коммуникантов в рамках их предметной деятельности. Таким образом, насколько перевод адекватен, а точнее, адекватен он или нет, определяют сами коммуниканты как субъекты оценки качества перевода (хотя они вряд ли будут использовать сам термин «адекватность»).

Последнее замечание касается осуществления перевода в вузовской практике подготовки переводчиков. В принципе, необходимо проводить различия между реальным, то есть профессиональным, переводом и учебным переводом. Хотя бы потому, что они осуществляются с разными целями. Однако их объединяет то, что в обеих ситуациях осуществляется оценка качества перевода (иного и быть не может). Только в ситуации учебного перевода в качестве субъектов оценки выступают преподаватель и студенты. Чьи же потребности должен удовлетворять выполненный студентом перевод? Преподавателя? Но у него нет собственных потребностей, средством удовлетворения которых мог бы быть студенческий перевод (тем более в 10-15 вариантах). Это очевидно. Может быть, студенты осуществляют перевод в качестве средства обеспечения своей предметной (профессиональной) деятельности? Но в условиях учебного процесса выполнение перевода для студентов и есть их профессиональная деятельность, точно так же как для переводчика выполнять перевод – значит делать свою работу. Понятно, что студенты переводят, чтобы развить свои переводческие навыки, а преподаватель проверяет их переводы, чтобы оценить степень развитости переводческих навыков и умений. Получается, что коммуникативно-функциональный подход к оценке качества учебного перевода не применим. Это не так. Успех подготовки переводчиков высокой квалификации можно обеспечить, только если научить студентов ставить себя на место получателя перевода, представлять себя в рамках определенной коммуникативной ситуации, даже если ситуация эта будет условной, вымышленной. В любом случае заключительный этап переводческого процесса – это этап редактирования, этап оценки собственного перевода. И очень важно, чтобы на этом этапе студенты задавали себе не только вопросы типа «Все ли я перевел? Не пропустил ли чего? Правильно ли я выразил эту мысль?», но и вопросы «Как созданный мной текст будет восприниматься получателем? Сможет ли получатель успешно пользоваться им в *данной* ситуации? Не возникнет ли у него затруднений?».

Разумеется, то, чего мы ожидаем от студентов, обязательно и для преподавателей перевода, которые должны учить студентов именно такому отношению к переводу. Иначе выпускники переводческих школ не сделают получателей перевода счастливыми.

Библиографический список

1. Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Под ред. докт.филол.наук, проф. И.И. Убина. М.: ВЦП, 2009. 120 с.
2. Иванова Т.В. Оценка качества устного перевода: коммуникативный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 14. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. С. 79-87.
3. Княжева Е.А. Оценка качества перевода: проблемы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 190-195.
4. Ковальчук Е.А. Оценка качества перевода: проблема поиска эффективных методов, стандартов и параметров // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. № 11-2 (2). С. 81-85.
5. Комиссаров В.Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
6. Перевод в странах Европейского союза. Обзорная информация / Отв. ред. И.И. Убин. М.: ВЦП, 2011. 56 с.
7. Семко и др. Проблемы общей теории перевода. Таллинн: Валгус, 1988. 200 с.
8. Сидоров Е.В. Общая теория речевой коммуникации: Учебное пособие. М.: Изд-во РГСУ, 2010. 244 с.
9. Benhaddou Mohamed. Translation Quality Assessment. A Situational/Textual Model for the Evaluation of Arabic/English Translations. University of Salford, 1991. 280 p.
10. Gentzler E. Contemporary Translation Theories. Revised 2nd edition. Clevedon: Multilingual Matters, 2001. 232 p.
11. House J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation // Meta. XLVI. 2. 2001. P. 243-257.
12. Waard J. de, Nida E.A. From One Language to Another (Functional Equivalence in Bible Translating). Nashville: Thomas Nelson Publishers, 1986. 204 p.